

К ЮГУ ОТ ПОЛУНОЧИ

Юрий Киприянов
Натали Покопенко

Annotation

Истории начинаются с малого. Заканчиваются же так, как заканчиваются. Эта история для одного из героев началась со случайности. С кучи проблем. Ненужных разборок и непонятных посылок. Закончилась же мафией, стрельбой и женским телом с внушительными и соблазнительными прелестями, крыльями за спиной и рожками на голове. Парень стал суккубой и участником странной игры. Другая же история началась со сбоя в системе. В игру вступил еще один участник, выбравший, казалось, противоположную сторону. Все ли так просто? Нет, конечно. Все очень просто. И вот теперь у них всего два вопроса. А игра ли это? И как из нее выбраться. Получат ли они ответы? Распутают ли клубок, где смешались интересы древних богов, колесо перерождений, старые сказания и новые проблемы? И самый главный вопрос – выживут ли?

Содержит нецензурную брань.

Юрий Киприянов
К югу от полуночи

Начало истории

Душа к душе. Душа к душе. Ряд за рядом. Ряд за рядом.

Кто-то сказал, что мне не достроить. Кто-то требовал меня остановить. Но ничего у них не вышло. А я – смог.

Душа к душе. Ряд за рядом. Лестница из-под земли прямо до небес.

Вы думали, я не смогу? Я?! Ха. Вот, последний камень души лег на вершину последней из пирамид, сеть которых раскидана по всему шару. И открылись врата. Мир теперь мой.

А вы... вы бойтесь Преисподней. Но помните – мы уже здесь.

Я уже здесь.

Пролог. Дверь меж мирами

– Трактир "Меж двух миров", – задумчиво прочитал гость, рассматривая странное заведение, каким-то непонятым образом притулившееся в космопорту. Бревенчатое здание, вросшее в металлические плиты, смотрелось настолько аутентично, что даже не выглядела странной. Или это действовала странная аура уюта этого места? Пока сложно было сказать.

Гость зашел внутрь, касаясь полных тепла деревянного дверного полотна и тяжелой бронзовой ручки, и его глазу предстала еще более странная картина. Мягкий свет сотен свечей, рассеянный по залу, где в дальнем углу стояла простая бревенчатая стойка бара с огромным зеркалом, удваивавшим количество разнообразных напитков. И добрый трактирщик с седыми бородой и волосами и темными глазами, в которых далеко не сразу заметишь вертикальный росчерк зрачка, стоял за ней, протирая бокалы.

Казалось бы, отличное место. Вот только посетители... Кстати, а кто они?

Вот четырехрукие гости с Альфы Центавры, задумчиво потягивающие кроваво-красную смеси водки с томатным соком, щелкали на трехмерных изображения коммуникаторов многосуставчатыми пальцами. Или огромный златошкурый ящер, оперевшись шипастыми локтями на стол из поленьев, ожидал заказанную пиццу с трепангами, разглядывая зал золотистыми глазами о четырех зрачках. А рядом лежали бластер и силовой меч... И десятки других самых разных колоритных личностей от полупрозрачных эфемерных жителей ядер газовых гигантов типа Юпитера до помеси ластоногих с желатином обитателей венерианских кислотных океанов.

Всем здесь были рады.

Вот только...

– Будь как дома, путник! – спокойно говорит трактирщик своим чуть хриплых баритоном, указывая на свободный стол.

Гость задумался лишь на мгновение. А там, рядом с предложенным местом, обдавал первобытным жаром очаг, на вертеле крутилась какая-то неведомая дичь, и все это место... было слишком неправильным, что становилось даже хорошо.

– Когда все становится слишком странным, на это уже перестаешь обращать внимание, – негромко сказал спутник вошедшего. – Это место, казалось, было тут всегда. Или его никогда не было. Не разберешь уже.

– А почему такое странное название?

– Говорят, – усмехнулся в ответ собеседник, поправляя широкую шляпу, – говорят, что здесь, в этом здании сходятся два мира. Мир настоящего и мир... вымысла. И эта дверь, – он указал на входную, через которую они только что вошли, – далеко не всегда открывается туда, откуда пришел. Часто она открывается туда, куда тебе действительно надо. Но...

– Что "но"?

– Я думаю, враки это все. Как проверить? – он пожал плечами, поправляя темные очки с алым отливом стекол на тонком аристократическом носу. – Думаю, никак. Впрочем, неважно. Эх... Где же полицейская эта?!

– Кто?

– Ну Церес.

– А-а-а-а-а... – задумчиво протянул гость, смотря на свои руки.

Он вдруг задумался, а что если действительно так? Что если открыв эту дверцу вновь,

он выйдет туда, куда должен?..

– Будете заказывать? – раздался бархатный голос официантки. – У нас есть пицца на любой вкус!

– Ты знаешь мои предпочтения, – кивнул в ответ женщине мужчина в шляпе, блеснув своей фирменной клыкастой улыбкой.

– Да, господин А, – она кивнула и улыбнулась полными темными губами. Гость же поднял на нее глаза и чуть-чуть вздрогнул. Она красива... была красива. Но серая кожа, белые, как снег волосы и совершенно неживые глаза, абсолютно лишённые даже намека на зрачки, – все это больше напоминало о чем-то мертвом, чем о живой и пышущей здоровьем женщине. Хотя пленительные изгибы тела под скромным платьем читались слишком хорошо. Официантка в ответ посмотрела на гостя. – А вы что предпочитаете?

– М-м-м-м-м... – пытаюсь справиться с комом в горле, начал он в ответ. – А есть пироги с картошкой и мясом?

– Конечно. Вам на слоеном или сдобном тесте?

– Сдобном...

– Хорошо. Пить что будете?

– Вино.

Она записала все в блокнот, кивнула и ушла, покачивая бедрами, как шхуна на волнах кормой.

– Не засматривайся. С этой дамой даже я не рискнул бы флиртовать, – усмехнулся А, кивая в сторону ушедшей официантки. – Впрочем, как и никто из присутствующих. Да и тебе ли думать об этом? Ты же помнишь, что ищешь?

– Да...

– Вот и забудь обо всем другом. Передохнём и пойдём дальше.

– Ты хотел сказать, полетим?

– Да, точно, – снова усмехнулся он, доставая тонкую сигариллу из пачки. Аромат вишни и табака отправился в путешествие по залу, пока человек (хотя, человек ли?) раскуривал свой трофей. – Полетим, но сначала поедим.

Но сам гость все смотрел и смотрел на дверь, думая о том, что сказал его спутник. Все никак не получалось сложить общую картину. Не получалось собрать воедино мысли. И он встал, опершись на стол руками, чувствуя под пальцами фактуру натурального дерева и мягкие обводы хорошо и добротной сделанной руками вещи. Он почувствовал, что вот именно это дерево – настоящее. А все вокруг – лишь отражение в зеркале.

И надо сделать всего шаг. Всего один шаг, чтобы выбраться из зазеркалья.

Открыть дверь. Просто открыть дверь.

Гость огляделся. Зацепился взглядом за трактирщика и... увидел в его глазах одобрение. Мол, пора уже сделать то, что должен. И гость решился. Он твердой походкой пошел к двери, дернул ее на себя, открывая. И остановился на пороге. Ведь там, за дверью, уже не было металлического блеска космопорта. Холодный блеск плексигласа сменился задумчивой серостью стен, окружавших посаженный город.

Гость сделал шаг за порог. И прикрыл за собой дверь. Впереди – жизнь. Впереди, возможно, его еще ждали. Надо только добраться до родного острова. Двадцать лет – большой срок.

Гость обернулся, чтобы снова взглянуть на странную вывеску. Но ее уже не было. Была лишь побитая жизнью и гнилью дверца в какой-то загон для скота. Гость криво улыбнулся,

поправил тунику, кивнул своим мыслям, стараясь больше не думать о том странном месте, в котором был только что.

А трактир... трактир так и остался там где, и должен быть.

Меж двух миров. Между правдой и вымыслом. Ведь не зря он назывался...

Трактир "Меж двух миров".

Она. Задание 1. Генерация

Начало игры

Загрузка сознания.

Загрузка модификаций.

Загрузка механизма генерации персонажа.

– Что?..

Выберете расу и пол.

– Да плевать мне, какая раса!

Раса: случайно. Пол: случайно.

Выберете класс.

– Что за класс?!

Автоматический выбор класса в обучающем задании.

Выберете мир.

– Да что происходит, а?! Сейчас бы покурить...

Мир: Чикаго 30х.

– Что за херня?!!

Приступаем к переносу сознания.

– Твою же дивизию...

Загрузка успешно произведена. Раса: суккуб.

– Пля...

Я открываю глаза. Смотрю по сторонам. Голова раскалывается. Мир смотрит на меня хмурым небом и тяжелым отблеском электрических ламп уличного освещения. И вздох разрывает тишину. Чей вздох?

Видимо... Мой.

– О-фи-геть, – тихо говорит кто-то недалеко от меня. – Ты жива?

– Э... Вроде да... – и тут в моей голове что-то нервно щелкает. “Жива”?! – Постой! А ты вообще кто? И где мы?

– Ты совсем сильно ударились, да? – насмешливо отвечает мне собеседница, но я пока не могу ответить на этот вопрос. – Хотя чего я удивляюсь. Ты же из окна выпала... Даже странно, что жива осталась.

– Твою же дивизию...

– Именно. Пить будешь? У меня винишко есть!

Вот тут я, мягко говоря, офигеваю чуть больше, чем нужно. Покряхтывая, я медленно встаю, стараясь не рассыпаться, как плохо собранный Лего. Маты крутятся в голове, назойливо требуя к себе больше внимания, чем я собираюсь им дать.

Как хочется курить... Руки тянутся к карманам, чтобы голова могла отлично осознать, что карманов-то нет! Тьфу ты тля подзаборная раком десять раз. Я пошатываюсь и хватаюсь рукой за стену. Смотрю на девушку передо мной с бутылкой вина.

Каре из вьющихся темных волос. Огромные почти черные глаза. Аккуратное платье полувоенного кроя, которые были модными... давно. Хотя, кто подтвердит мои мысли насчет модности? Я в этом разбираюсь примерно как двухлетний ребенок. Хе-хе... Идиотия.

Вот только оглядев себя, я вдруг понимаю, что все... очень и очень плохо.

– Э-э-э-э-э, дорогуша... Тебя сильно приложило, все-таки. Что ты так смотришь на свое

богатство? Прикройся хотя бы. А то уже все на тебя во все глаза смотрят, – девушка говорит и говорит, а я понимаю, что у меня все. Голова медленно отключается вслед за тем, как все сильнее в нее проникает мысль с истошным криком подсознания.

Что. За. Хер. Ня?!

Ня, кавай, пля...

Она. Задание 2. А ты странная

– А ты странная, – говорит моя благодетельница, ставя передо мной кружку ароматного чая. – Давно я таких ошалелых не видела.

– В смысле, ошалелых?

– Ну кто со зданий бросается... И выживает. Без особых повреждений. Как тебе это удалось?

– Честно? Я и сама не знаю... По ощущениям – будто поезд по мне проехался, но, в целом... Слишком как-то легко, – смущенно улыбаюсь, пытаюсь собраться с мыслями. Все-таки достаточно сложно объяснить себе и другим, что не так во всем происходящем, если не так в нем ВСЕ! Абсолютно все...

Взять, например, вот это тело. Тонкие, изысканные пальцы, увенчанные идеальными острыми ноготками, при определенном ракурсе больше похожими на когти. Да, штамп, классика и все такое, но, похоже, вся та биологическая конструкция, в которой я сейчас нахожусь – один огромный штамп о женской красоте. Огненные волосы, сверкающие на солнце, как пожар – в наличии. Огромные, выразительные, яркие и живые зеленые глазища – присутствуют. Тонкие черты лица, брови вразлет, пухлые губки, которые так и хочется накрыть поцелуем? Да куда ж без этого!

А тело? Мать моя женщина, роди меня обратно! Явно его лепил какой-то озабоченный скульптор-эстет. Нет, конечно, оно прекрасно: тонкая талия, высокая упругая грудь, идеальные округлости ягодиц и длинные красивые ноги... В общем, его описать – это использовать все возможные штампы из женских и мужских романов, описывающих вот таких женщин...

Но что мне с этим великолепием делать?

Мало того, что одежду на него фигурально подберешь, не говоря о белье (о чем мне подробно рассказала Стейша, сетовавшая на эти самые проблемы). Ведь то, что подходит в талии – узко в груди. А то, что в груди нормально... дальше висит, как балахон.

Хотя и тот, и другой вариант каким-то непостижимым образом умудряются выглядеть сногшибательно и красиво.

– Магия, не иначе, – с улыбкой говорила тогда Стейша, делая очередной глоток из бокала. – Как тебе это удается, м?

Кстати, сама Стейша – это отдельный вид прекрасного. Та самая барышня, которая сразу же, после падения из окна, предложила выпить винишка. И это она меня называет странной, хотя кто страннее: тот, кто упал в лёгком и красивом из окна, или тот, кто предложил упавшему первым делом винишка?

Сомневаюсь, что на этот вопрос есть однозначный ответ.

Да и как он может быть? Сидят две почти незнакомых девушки, пьют вино и обсуждают гардероб. Идеально, не так ли? Идеально. Вот только одна из них – не совсем и девушка. И как-то еще не привыкла к лишним (хотя это сильно спорное утверждение, я вам скажу) килограммах в верхней части туловища, зато их, как правильно сказала одна героиня комиксов, можно отлично использовать, как противовес.

Особенно, с учетом их выдающейся формы, приятной структуры и сверхмягкого покрытия. Короче, их просто приятно трогать! И это очередная проблема – я получаю удовольствие от почти любых касаний к этому обжигающе страстному телу.

Но это дело прошлого. А сейчас мы сидим со Стейшей на кухне ее небольшой квартирке и разговариваем за чашкой чая о том, кто же в действительности странный из нас двоих.

– Знаешь, Стейша, а все-таки ты не лучше, чем я. Такая же странная.

– А я этого и не отрицаю! Особенно, если учесть, где и на кого я учусь, – хмыкает барышня напротив и, сложив сложную фигуру из пальцев, зажигает странный символ прямо в воздухе. Магия? Видимо, она самая.

– Ого... Как ты это сделала?

– Я – маг, Лен. Учусь на факультете прикладной магии.

– Ого!

Да, я сейчас, мягко говоря, не отличаюсь адекватностью и логичностью, не говоря уж про использование всего словарного запаса. Но куда уж без этого с учетом всего, что со мной случилось за последние пару дней начиная с момента падения из окна.

– А как у тебя это получается? – мне же интересно. До зубовного скрежета.

– О! Да ну тебя, объяснять это! Нам пытались дать понятное объяснение теории работы на Основах магии, но... Я ни черта не поняла, – она улыбается и стирает символ мановением пальцев. – А ты попробуй сама. Вдруг у тебя получится. Ты же явно не простая девочка, раз умудряешься выпасть из окна и из воспоминаний – только имя. Женщина-загадка! А я люблю загадки, знаешь ли!

Она смеется. А я... Я смотрю на свои руки, потом на нее и задаю логичный вопрос:

– Но... что мне делать?

– Подумай о том, что ты хочешь получить. Задумайся... Лучше закрыть глаза, нам так говорили.

И я подчиняюсь. Закрываю глаза, задумываюсь. Прислушиваюсь к своим ощущениям и желаниям, хотя и не особо верю, что что-то получится... Но тут я слышу крик Стейши.

– Э-эй! Прекрати! Спалишь же нахрен всю квартиру мне!

Я открываю глаза и... вижу между своими руками немаленьких размеров такой... классический фэнтезийный фаербол!

– Очешуеть! – только и могу я сказать. Концентрация падает, и огненный шарик вспыхивает в последний раз и растворяется в воздухе.

– Ну ты даешь, Ленка! Это же было невероятно! Мы такие штуки только на втором курсе проходили. А ты вот так сразу... И огнем управляешь! Тебе точно надо к нам. Завтра же пойдем с тобой в Академию!

– Но...

– Никаких но! Я тебя проведу. Ты обязана учиться, а то со своей силой можешь весь город уничтожишь... – говорит ей эта деятельная особа, уже совершенно не задумываясь о том, что я хочу.

Хотя я и не знаю ответа на этот вопрос.

– Ладно-ладно! Я сдаюсь. Делай, что хочешь! – со смехом отвечаю. – Пойду я учиться. Если примут, конечно.

– А куда денутся? – подмигивает девица напротив и отпивает чай.

Она. Задание 3. Перед закрытой дверью

Когда стоишь перед дверью большого начальства – это всегда немного (или много) нервирует. Сколько раз мрачные двери высоких кабинетов оказывались напротив и заставляли дрожать коленки мелко-мелко. То это были родители, то директор школы, то декан, а потом и руководитель той веселой организованной версии дурдома, которая называлась детская поликлиника города Задрищенска...

И каждый раз одно и то же. Страх. Ком в горле. Расширенные зрачки. И нервная улыбочка.

Вот только... не сейчас. Будто сменив одежду, время и тело, я решительно отправил на задворки и былые привычки. Или правильнее думать все же отпустила? Да бог теперь меня разберет. Единственное, что точно известно – надо перед входом оправить юбку немного коротковатого по моему мнению платья с большим количеством висящих шнурочков... Стейша говорила, как эта фигня называется, да я не запомнил... не запомнила.

Пля.

А еще и сверху жмет, зараза. В это время большая грудь не была сильно модной, это я точно помню. И фасоны были соответствующие. А с моим богатством наверху и внизу (попато соответствующая) все становилось дюже сложно, ведь стоит мне просто хоть немного нагнуться, и привет засвет!

Твою ж дивизию через кобылу раком... С другой стороны, как приятно созерцать все это великолепиие в зеркалах, не говоря уж про то, что любое прикосновение – это отдельный вид эстетического, осязательного и чувственного удовольствий.

Короче, я, похоже, просто балдею от того, что меня трогают. И чем наглее... тем больше получаю кайфа.

Сранный генератор, впихнувший меня в это сраное (хотя и очень сексуальное, чего тут душой кривить) тело. Похоже, действительно суккуб.

Пля.

Но тут из-за тяжелых дверей доносятся до моего слуха голоса. Знакомый голос Стейши. И неизвестный мне голос. Видимо – сам декан. Тот самый, что сейчас решает мою судьбу в этом мире. А я даже не знаю, что ему говорить, когда он будет спрашивать. Ведь у меня нет ничего о том, кто я есть здесь. А тот, кем я был там – это уже совсем не важно в этой реальности.

И что же делать, когда эта дверь все же откроется? Видимо, косить под дурачка.

ТЬфу! Дурочку.

Привыкать надо к этому уже. А то эти сиськи размера D слегка дисгармонируют с обращением к себе в мужском роде. Да и отсутствие требуемых первичных половых признаков – тоже. И теперь и не положить уже болт ни на что. Нету, дери меня в зад...

Кхм. И в том самом месте как-то подозрительно начинает свербеть. То есть вот так, да? Мое же собственное тело играет против меня?!

Пля.

Сколько междометий в мыслях. И все матерного свойства и простой структуры. Часто даже трех букв хватает для выражения моего отношения к происходящему внутри моей нынче рыжей головы. А там часики тикают, как в стране чудес. То есть без смысла, ритма и четкой последовательности.

Видимо, я просто схожу с ума от всего происходящего.

Хотя в этом очень сложно сомневаться. Ибо кто в адекватном состоянии согласится признать нормальность перемещения сознания в чужое тело, чужое время и чужое пространство – это уже стопроцентный диагноз.

Я слышу, как Стейша о чем-то громко говорит с владельцем кабинета. А я задумчиво рассматриваю длинные ногти странного оттенка на руке. Слишком темные и слишком острые для обычных человеческих...

Впрочем, в этом теле все было немного слишком. Казалось бы, отличается на какие-то доли и нюансы, но общий образ получается... нечеловеческий. Красота? В наличии. Но что-то в ней потустороннее. Может, во взгляде, может в мимике, может в пластике – бес разберет, но я не вижу в отражении человека.

А вижу девушку из тех, что так любили рисовать озабоченные художники, в которых спермотоксикоз все-таки проиграл чувству прекрасного. С другой стороны... А что я теряю, оказавшись здесь?

Здесь у меня эта внешность. Магия. И интересная история, что это все связывает.

А там? Пыльная серость бытия в серой пыли многоэтажек со стойким ощущением собственной ненужности в окружении мрачных лиц.

Так может не зря я сижу здесь и сейчас?

Но додумать эту мысли мне не дают. Дверь открывается, и Стейша приглашает меня заглянуть в гости серый и невзрачный мир ректора, где царствует некий худой субъект с неприятным лицом и очень тяжелым и властным взглядом, который будто раздевает сначала до костей, а потом прям до оголенной души.

– Итак, – негромко говорит он, складывая тонкие пальцы перед собой в аккуратную крышку гробика. – Ты не помнишь имени, не знаешь, где родилась и откуда упала. Но при этом владеешь магией. Я правильно понимаю сложившуюся ситуацию?

И вот тут я даже не знаю, что ответить. Вроде, так и есть, ибо в этом мире у меня нет истории. Но вообще-то она у меня есть.

Правда, в нее все равно никто не поверит. Даже я в нее уже верю с трудом.

– Да, господин ректор, – только и могу, что пролепетать в ответ.

– Но при этом ты упала откуда-то сверху, умеешь интуитивно управлять магией огня, – уже не спрашивает. Утверждает.

И мне снова остается лишь кивать и соглашаться, стараясь не сжаться в точку под этим внимательным, холодным и пронизывающим, как ветер в песнях Круга, взглядом. А это было очень сложно, я вам скажу. Или не скажу.

– Ты же понимаешь, что это странно и подозрительно, – с отвратительно приторной улыбкой продолжает экзекутор, сладкий, как малиновый пирожок из несуществующего еще здесь Макдональдса. – Но принимая во внимание то, что говорила о тебе Стейша, я вынужден принять твое прошение об обучении в моем заведении. Но как тебя назвать в документах?

“Лэанкаре”, – вспыхивает надпись перед внутренним взором, затмевая все вокруг. Реальность, пусть и нереальная, исчезает, выжженная этим странным словом.

“Что?” – мысленный вопрос. Это все, на что хватает сил.

“Имя”, – такой же короткий, как и вопрос, появляется ответ. – “Твое”.

“Твою же мать-перемать через три забора раком”, – только и остается воскликнуть мысленно в ответ...

– С тобой все в порядке? – чей-то участливый голос прорывается сквозь лавину боли. –

Ты так кричала...

Стейша. Точно. Она самая. Снова рядом, пытается помочь. А я... а что я, собственно? Офигеваю.

Обычное дело.

– Я просто ненадолго почувствовала, что начинаю вспоминать, – срывающимся голосом еле шепчу. – Но кроме имени ничего... Пустота.

– Но это лучше, чем ничего! – радостно говорит она, помогая мне встать с пола. – И как же тебя зовут?..

– Леан... – тут что-то резко бьет в затылок, доставая прямо до мозга и зло требуя не говорить правду. – Лена Карос, – тут же рождает измученное сознание новый вариант. – Елена...

– Вот и хорошо, – сначала слышится неприятный голос, а потом в поле зрения появляются лакированные туфли его обладателя. – Значит, так и запишем в документах: Елена Карос. Они будут готовы в течении недели. Добро пожаловать в Академию на факультет демонологии. Завтра у вас первая лекция. Прошу не опаздывать. Анастасия подробно объяснит последствия таких опрометчивых действий, не так ли?

Это он глядит на Стейшу, и та предпринимает все попытки сжаться и не отсвечивать под этим страшным, голодным и холодным взглядом. А я просто стараюсь не упасть и осознать, что же это только что случилось.

Выходит так себе.

Пока скорее обстоятельства меня имеют. И это проблема... причем, видимо, моя. Но почему мне это нравится? Остается только сидеть на попе ровно и надеяться, что все.

Она. Задание 4. За что?

– За что мне все это, господи?.. – тихо вопрошаю я у невидимого собеседника, не ожидая ответа. На кончике пальца танцует живой огонь, но я уже давно часть этого мира, чтобы обращать внимания на такие мелочи.

– Тебе этого хотелось, – пожимая плечами, ставит передо мной кружку бармен, подмигивая хитрым глазом. – Вот и все.

– Я. Этого. Не. Хочу! – отделяя каждое слово, говорю ему в ответ. – Да и подслушивать как минимум невежливо.

Он в ответ лишь хмыкает и отворачивается к другому посетителю. А мысли так и крутятся в голове. И большинство из них – а что если?..

А что если он прав?

А что если я действительно хочу, чтоб со мной происходила вся эта дичь, что происходит?

А что если?..

– А ты вообще откуда знаешь ответ? – кричу я ему в спину. Он медленно разворачивается, и я вдруг понимаю, что вижу его далеко не в первый раз. И что не в первый раз он дает ответы на незаданные вопросы.

– А ты как думаешь? – снова усмешка на лице. Борода с проседью, темные волосы, посеребренные временем и живые темные глаза, в которых одновременно сплетались и мудрость веков и вечная игривая юность рассвета. В них жил мир. Но этот человек (хотя, человек ли?) все так же разносит алкоголь посетителям захудалого трактира. – Еще пива?

– Как такое возможно?

– Так же, как и все остальное. Мысли материальны. Твои – особенно. Радуйся и получай удовольствие.

– Ты издеваешься, да?

– Нет. Просто живу с тобой в одном мире.

– Думаешь, я в это поверю?

– Вестимо, нет. Но тут уже твой выбор и твоя доля. Решай сама, как быть и как жить.

– Ты знаешь, что ты говоришь как утырок или политик. И хрен его знает, что хуже...

Старик лишь хмыкает, посверкивая хитрыми глазами из-под бровей.

Она. Задание 5. Письмо в никуда

День за днем. Страница за страницей. Слова складываются в предложения. Я пишу дневник. Точнее, пытаюсь. Разговор с барменом не идет из головы. Я оказался в жопе. Или оказалась? Да кто сейчас разберется в этом дерьме?

Явно не я.

Хотел отдохнуть от жизни? Хотел. Отдыхаю? О да, блин. Красота, сила, богатство? Все в наличии... ну почти все: богатства еще не подвезли, но, боюсь, до этого осталось немного.

Сейчас как завезут и его, и я совсем тут с ума сойду.

Великая и могущественная, бесконечно сексуальная, желанная всеми и всегда... Участница многих эротических и порнографических снов... Чудовище из кошмаров наяву... Суккуб. Демон с крыльями, рогами, волосами цвета огня и глазами цвета свежей травы.

Думаете, я описываю свои влажные фантазии? Нет. Это я рассказываю о себе. Вот о том человеке (хотя это и жутко спорно), который пишет эти строки.

Вот и остается только выть от того, что желания, сцуко, имеют свойство сбываться. Вот только никогда они не сбываются так, как бы мы того хотели, если не приложить к этому усилия. Свои, личные усилия, а не просто запускать марафон желаний.

Опа, нативная рекламка бизнес-хренингов в личном дневнике из тридцатых годов двадцатого века. Извини, читатель, я не хотел этого.

Но вот моя вторая половинка, медленно переделывающая меня в нечто другое, видимо, хотела. У нее вообще пунктик на желания и вот это все. Рогатая сучка из порнороликов. Даже косплей мутить не надо.

Вот такой вот получился отпуск от прошлой жизни.

Суккуб. Чикаго. Мафия. Прекрасные, мрачные и сочные тридцатые. Новая Академия магических искусств. Факультет демонологии.

Смешать, но не взбалтывать. Добавить по вкусу кофе, сигареты, алкоголь и беспорядочные половые связи. Демон же. Я это не контролирую... Прямо сейчас я уже снова хочу окунуться в эту порочную цепочку развлечений, чтобы окончательно раствориться в ней и перестать быть собой.

Или наоборот стать?

Она. Задание 6. Болезненное состояние

– Лен, привет! – сказал, занимая рядом со мной место за барной стойкой, мой однокурсник, Симеон Винсент Джеймс. Или просто Сим, как зовём его все мы. – Как поживает лучшая демоница курса?

– А как должна поживать? – спросила в ответ, делая глоток мартини со льдом. – Вроде, ещё учусь с вами, жива и почти адекватна. Это уже достижение.

– Ты сегодня сама не своя ушла с занятий. Тебя так достал наш демонолог? – в его голосе звучала искренняя забота.

И мне, прямо говоря, было больно ее слышать. Ведь я сбежала именно из-за этой благостной ауры вокруг. Мне просто жгло где-то в районе груди от всего этого благочестия. Подсознание разрывалось от желаний выпустить всю свою силу и вытащить все глубинные мысли окружающих и устроить жесточайшую резню. Или оргию.

И мэтр Джонсон поглядывал на меня и терпел желавших защитить новенькую одноклассников не из-за своего характера, а потому, что он знал, кто я есть.

Самое главное, он знал, что я из себя представляю.

Он спасал меня от них, а их – от меня.

– Все нормально, Сим. Я просто устала. Просто устала, – и это было чистой правдой. Мое нутро требовало наслаждений, боли, насилия и смертей. А я...

А что я? Я борюсь с этим. И с жадной хваткой прямо здесь и сейчас повалить Сима на пол и затрахать до умопомрачения, а потом убить. И наслаждаться эманациями похоти и страха, чувствовать трепет души на кончике языка, с упоением раздирать его сознание в лоскуты...

Но нет. Нельзя.

И вот в этом самая большая проблема, с которой я столкнулась в этой новой жизни: кто есть "мой человек". Это действительно сложный и многогранный вопрос для демона. Да и для самих людей – тоже. Многие скажут, что именно Симеон – это нужный человек. Тот, кто будет поддерживать, сопереживать и говорить, всякие нужные слова.

Вот только это не так.

Мои люди – это те, чья помощь не видна никому, кроме меня. Она не напоказ, она именно ради того, чтобы помочь. И пусть это выглядит снаружи как издевательство или даже хамство, зато внутри нашего круга... Да внутри нашего круга мы будем знать, что мы делаем друг для друга и как мы это делаем.

Мои люди знают меня. Знают, что действительно мне нужно. И почти никогда это не будет кучей слов. Это может быть и дружеский подзатыльник, и теплые объятия, и даже вовремя подсунутый тренинг о том, как посылать куда подальше.

Мои люди – это те, с кем не страшно не только в оке смерча, но и прорываться сквозь него.

И лучше оказаться среди таких, как Джонсон, чем среди Симеонов. Первые всегда помогут найти лучший путь и сделать правильный выбор, вторые... вторые же сначала будут смотреть тебе в рот, а вот когда упадешь, помогут ли они тебе подняться?

Вопрос, на который не хочется знать ответ.

Поэтому я просто улыбнулась, тряхнула огненно-рыжей головой и сделала глоток.

– А знаешь, Сим... Пойдем гулять?

У меня уже образовалось много планов на этот вечер. Очень много. И теплый свет

электрических ламп уличного освещения лишь подогревал мои желания. Чикаго любил жаркие истории.

Хотя кровавые он любил больше, но сегодня обойдемся без них.

А где-то внутри искрится стойкое желание соблазнить Сэма... И это желание явно сильнее моей воли и противления подобному развитию событий.

Сцуко.

Она. Задание 7. Дверь в ночь

Ночь разлеглась у ног, как наглая самодовольная кошка, требуя ласки и чтоб не беспокоили. Причем, одновременно. Как и любая кошка и любая женщина, ночь любила взаимоисключающие требования.

А я? Я люблю подобное? Что я люблю вообще? Вот это сраный вопрос.

Ведь я и не женщина... еще. Но уже и не мужчина. А что-то среднее. Может, в этом и причина, почему мне досталась именно суккуб, как новое воплощение?

Ведь я знаю всю мужскую кухню изнутри. Знаю, ибо все это прошло через меня. И теперь тонкие пальцы клишированной красотки из женских любовных романов или мужских боевиков в моем лице точно знают, на что давить и за какие крючки дергать, чтобы получить желаемое.

Идеальная партия провидения.

А бармен оказался прав. И так ли он прост, этот бармен? Он же не просто некто, дающий наставления. Нет... Он – сущность высокого полета. Но почему тогда всего лишь бар?

Бог? Дьявол? Ангел? Демон?

Кто этот человек за барной стойкой, смотрящий на гостей всезнающими глазами неопределенного цвета? Почему я иду к нему, зная, что он никогда не ответит, но раз за разом заявляюсь в это бар со странным названием и заказываю выпивку?

Наверно, потому что внутри я знаю ответ на вопрос, который никогда не задам?

Дождь. Сырость. Электрический свет молчаливых фонарей. Басовитый гул проезжающих мимо автомобилей, редких, как искренняя улыбка в борделе. Но мне плевать, что пальто промокло до нитки, что платье липнет к телу, а волосы похожи просто на тряпки для мытья пола. Я снова прихожу сюда, к двери под вывеской "Меж двух миров", чтобы замереть в нерешительности.

Эта дверь, казалось, открывается в какой-то другой мир. В другое измерение. Здесь пахнет домом, уютom, теплом и ностальгией... Это очень странно. Но только здесь я ощущаю что-то подобное родству.

И вот я распахиваю эту дверь и вхожу внутрь, чтобы вновь столкнуться со взглядом хозяина этого заведения. Внимательные темные глаза без определенного оттенка будто скальпируют голову прямо до оснований подсознания и выдирают душу на всеобщее обозрение.

Я смотрю в ответ и киваю, не в силах противиться магии этого места.

Или его хозяина, который задумчиво кивает с легкой всезнающей улыбкой. Будто он уже знает, зачем я здесь. И поэтому в его руках уже есть стакан, в который он уверенным движением наливает янтарную жидкость, которая играет с отсветами электрических огней в чехарду.

– Ты пришла в гости или по делу? – задает он вопрос, хотя во всех его движениях сквозит знание ответов на задаваемые им вопросы и на те, что я еще не успела задать.

– Я... я не знаю.

– Тогда сначала выпей. А потом поговорим.

И он оставляет меня наедине с напитком, явно слишком крепким для обычного человека, да вот только я-то не из них. Не из людей.

Поэтому я без сомнений бросаюсь в бой с содержимым стакана с твердым намерением победить. Сделав глоток, убеждаюсь в том, что мои первичные суждения были ошибочны. И это супостат мне не по зубам. Напиток оказывается настолько могущественным, что даже мой нечеловеческий организм падает в объятия алкогольного отравления.

Всего с одного стакана мир вокруг начинает кружиться, как сумасшедший.

Недолго, но достаточно, чтобы я не заметила, как вернулся бармен. Но оторвав взгляд от столешницы, я снова натываюсь на его крупную фигуру в серой рубашке, безрукавке и фартуке. Оголенные и явно не лишённые силы предплечья, покрытые шрамами и странного вида татуировками, скорее подошли бы какому-то отъявленному головорезу, чем владельцу обычного питейного заведения...

Впрочем, не мне об этом рассуждать... Особенно, когда в голове еще гуляет алкогольный туман.

– Так что ты хотела узнать, Елена?

– А я хотела?..

– Ну ты же пришла. Зачем?

– Я хочу добраться...

– Куда?

– Домой...

– А где твой дом? И что это такое?

А я не могу ответить на этот вопрос. Никак.

– Ладно, вот что я тебе скажу, девочка, ты никуда не придешь до тех пор, пока не поймешь, куда хочешь прийти. Все просто до ужаса. Но до этого момента ты никогда не сможешь найти хоть что-то.

– Но как я это пойму? – я уже почти кричу, но сдерживаюсь лишь усилием воли. – Как?!

– Поговори с богом, что ль, – с усмешкой отвечает этот великовозрастный говнюк. – Только где ты сможешь его встретить?

Он протягивает мне ключ.

– Что это?

– Ключ. От двери. Той самой, что приведет, возможно, туда, куда тебе надо. А может и нет. Но попробовать стоит, не так ли?

Он улыбается. Я дрожащими пальцами касаюсь металлической отливки, на боку которой что-то выгравировано. Сжимаю ладонь в кулак, понимая, что все это слишком невероятно, чтобы быть правдой. И слишком просто.

– Я не верю.

– Я знаю.

– Откуда?

– Так и хочется напомнить тебе старую детскую присказку, но не буду. Просто знай об этом.

– Твою же мать... И что мне делать с этим?

– Открыть дверь. Дверь к себе, – пожав плечами, говорит он, доставая полотенце с намеком, что аудиенция окончена. – Все просто. И так же просто отсюда уйти и больше никогда не вернуться. Выбирай.

И что мне остается? У меня есть выбор? Есть. Этот говнюк дал мне его. Вот только оба варианта... неправильные. И я решаюсь. Встаю. Делаю нетвердый шаг. И замираю в нерешительности.

– А от какой двери ключ?

– От любой. Если ты будешь готова сделать шаг.

– Я готова!

– Скоро узнаем, – только и говорит он с насмешкой. – Скоро узнаем. Иди. Ты знаешь, где выход.

– Вот так вот, да? – вспыхиваю, как спичка. – Просто скажешь, что пора на выход?! Еще, небось, с вещами.

– Именно так.

Сказал, как отрезал. И я подчиняюсь против воли.

Дергаю ручку двери, но она заперта. Оборачиваюсь к бармену с желанием высказать все, что думаю о его фокусах, но... его нет на месте. А в руке – ключ. Тот самый, что он дал мне недавно. Я раскрываю ладонь и разглядываю свое непонятное сокровище.

– И что мне с тобой делать? – спрашиваю у безмолвного куска металла. – Ты откроешь и эту дверь?

Я вставляю ключ в скважину, поворачиваю... и он действительно открывает эту долбанную дверь. Но распахнув кусок плоской деревяшки, я оказываюсь совсем не там, откуда зашла в этот бар. Где дождь, слякоть и вот это все? Где?

Солнышко, цветочки и церковь на взгорке. Недалеко совсем.

Поговорить с богом? Это там, что ли?

– Ведьма! Это ведьма! Сжечь ведьму!!! – вдруг послышались отовсюду голоса. И десятки, если не сотни оскаленных в злобном экстазе лиц, жаждущих только одного: смерти. Моей смерти...

И я бегу. А за мной люди с факелами, вилами и топорами. И человек в темной мантии монаха.

Он. Задание 1. Fatal Error

Замечательно! Я раскрываю внушительных размеров блокнот, забираюсь с ногами на диван и делаю три глубоких, размеренных вдоха.

Наконец-то настал этот долгожданный день, точнее сказать, вечер.

Телефон отключён, свет погашен во всем доме, и только экран перед моим носом светится ровным нежно голубым.

Блокнот исписан мелким почерком от корки и до корки, а между его страниц яркими перьями пестрят десятка два аккуратных закладок. Вот она – моя прелесть! Мой личный гримуар, источник знаний и ключ к мировому господству. По крайней мере в рамках единственно желанной игры.

Месячная подготовка успешно завершена. Изучены все возможные варианты, продуманы и записаны допустимые и не очень ходы. Опрошены свидетели, подробно занесены на бумагу отзывы, предупреждения и рекомендации.

Мой выбор сделан, и вот дрожащие от возбуждения пальцы уже быстро стучат по клавишам ноутбука.

Раса: забрак.

Пол, возраст: женский, 35 лет.

Класс: джедай

Мир: Звездные войны

Отлично! Осталось только прописать инвентарь, перенести из блокнота тщательно проработанную легенду, и лучший отпуск на планете обеспечен. Ни одной живой души в округе, кроме доставщика пиццы и китайской еды. Только я и моя прекрасная игра!

– Эй! Какого лешего?

С таким нервным трепетом нажатый «Enter» вместо запуска программы составления персонажа погрузил монитор ноута в кромешный мрак.

– Мы так не договаривались!

В панике кричу я и одним рывком вскакиваю с дивана. Промо-код на эту сетевуху «по приглашениям» достался мне кровью и потом не для того, чтобы все запороть еще до первого квеста!

Я в бешенстве сметаю с колен собственные записи, а в следующее мгновение уже с диким воплем лечу на пол. Бездарно запутаться в проводе зарядки и пробить головой стеклянный стол – это вот прям самое мое.

– Ты подходишь Ордену, – сиплый мужской бас переключает мое рассерженное сознание от перебора известных матерных слов к похоже уже давно текущему диалогу. – Ты юн и амбициозен, мой мальчик. И это хорошо. Но ты должен понимать, Орден – это больше, чем организация. Орден – это семья.

Сквозь тупую головную боль я слышу обрывки чужой речи и нихрена не понимаю. Какая, к черту, семья? Моих родителей не стало еще в детстве, а остальным родственникам до меня такое же дело, как собаке до блох на волосатой заднице.

– Служи верой и правдой и тогда, возможно, сможешь достичь гораздо большего.

Болезненно морщусь, пытаюсь отогнать прочь голос, точно навязчивую муху августовской ночью. Капризная память то и дело выбрасывает из зоны бессознательного смутные картинки без какой-либо конкретики.

Кажется, все-таки журнальный столик, не выдержавший встречи с затылком, не прошел для меня бесследно. Чисто на автомате поднимаю руку к голове.

Стоп! Где мои волосы? Под пальцы попадают короткие огрызки вместо густых, всегда собранных в крепкий хвост локонов. Постригли, суки!

Что за черт? Стая ярких всполохов перед глазами не дает толком рассмотреть ладонь. Все вокруг рябит и дергается, но вроде крови нет.

Может я в больнице? Тогда кто вызвал скорую? С трудом проморгавшись, поднимаю голову на беспрестанно бубнящего человека.

– Ну что ж, мой мальчик, а теперь иди и исполняй свой долг.

Здоровый мужик, килограмм так под сто двадцать с жидкими усиками на жирном лице и в полосатом костюме аля хозяин похоронного бюро повелительным жестом толстых пальцев прогоняет меня прочь. И долго он тут вещал, точно радио? И кто это «он»? На врача лечебницы не сильно-то и похож. Может я еще дома?

Мало, что понимая, озираюсь по сторонам. Какие-то полки, книги, тяжелые шторы, абажур, здоровенный, точно целая кровать стол, кресла. Да у меня ни в жизнь не водилось дома ничего подобного!

– Что происходит? – сквозь пересохшее горло наконец хриплю я самое логичное, что приходит в гудящую голову. – Потрудитесь объясниться! Ты вообще кто и что за...

Договорить мне не дают. Кто-то грубо хватает меня за плечо и выволакивает из глубокого кожаного кресла. Ага! Это было кресло. Грубо волочет по кабинету. Ага! Это точно кабинет. И выталкивает вперед себя в коридор. Не больничным, уже хорошо.

– Эй! Полегче! – не своим голосом рычу я на обидчика.

– Иди, малец, уже, иди! – Чей-то противный смех долбит кувалдой по и без того звенящим ушам. – Дон и так потратил на тебя слишком много времени.

Мои попытки отбиться от чужой хватки заканчиваются увесистым подзатыльником и очередным провалом в темноту.

– Да что б тебя черти в зад драли! – шиплю точно кошка, толкаю руками пустоту и только потом понимаю, что у меня на глазах что-то плотное и колючее.

Шляпа! Дурацкая старая шляпа. Фетровый котелок или, как там его правильно, хомбург что ли?

Противный звон в голове не дает сосредоточиться ни на чем. Но кое-что уже понятно и так.

Я торчу один, как идиот, перед деревянной дверью с маленьким окошком по середине и старинным колокольчиком на косяке. Верчу в руках долбанную шляпу и ничерта не помню.

Вокруг ни души. Похоже мой провожатый ушел по своим делам, пока шло сражение со шляпой. И с кого теперь, прикажете, выбивать разъяснения? Внутреннее чутье подсказывает, что к толстяку с не ласковой охраной лучше не возвращаться. А значит, интуиция, мотивация и авось- вот мои новые поводыри.

На негнущихся ногах под звон колокольчика выползаю за дверь, как оказалось, в морозную прохладу улицы, и тут же оказываюсь среди толпы в таких же дурацких шляпах и костюмах-тройках.

Серые дома, мощеная мостовая, точно сбежавшие из музея кадиллаки, мальчишка с кипой газет и усиливающаяся с каждым шагом головная боль.

– Да какого, собственно говоря, члена здесь происходит?

Перед внутренним взором в такт биению сердца пульсирует ярко-красная табличка

«Превышен лимит допустимых данных. Переход на случайную генерацию выполнен».

Она. Задание 8. Бежать

Бежать! Как можно быстрее! Как можно дальше! Ведь сзади сумасшедшие, жаждущие моей смерти. Впереди лишь одна дверь, которая может меня защитить. Храм. Идеальное место, чтоб спасти от разъяренной толпы.

Особенно, если ты – демоница.

Я отличаюсь логичностью и последовательностью, но с этим ничего не поделаешь. Ведь за мной бежит толпа жаждущих предать меня огню людей. Интересно, а демоны вообще горят? Мы же, вроде как, из адского пламени рождены.

Но зачем-то же ведьм жгли. Хотя ведьма – не демон. А я – не очень-то ведьма...

Вроде бы.

Но демонам не положено входить в дом божий... А-а-а-а-а-а! Срань. Похрен! И я дергаю ручку сраной церквушки, и та с пронзительным хрустом остается у меня в руках. Заперто! И где же бог, когда он так нужен?! Я не с рождения же вот это вот с крыльями и рогами...

Но мир молчит. Я бью по двери кулаком, ломая деревяшки. Но уже не успеваю сделать большего. Острая боль пронзает все тело вместе с острыми зубами сельских вил, вышедших из живота на прогулку.

Это, мать моя женщина, больно! Но как красиво стекает кровь по металлическим направляющим. Кап. Кап. Кап. Точка за точкой красным по коричневому. Почему я не чувствую ничего, кроме... Удовольствия? Что за дерьмо?.. Сраное нечеловеческое дерьмо!!!

– Что, ведьма?! Не можешь попасть в храм божий?! – кричат мне в спину. – Не пускают двери дома божьего?!!

В ответ же я... медленно кладу руку на древко вил и так же медленно достаю их из своего тела. Чтобы каждый мог увидеть и насладиться этой картиной. Кровь хлещет ручьями, боль стегает по нервам, но это все лишь добавляет в копилку новых способов получения удовольствия.

Кошмар...

Просто нечеловеческий кошмар.

– Вы так хотите насадить кого-то на что-то? – я не узнаю свой голос, полный похоти, злости и страсти. – Насадить демона на вилы? Это прекрасная идея, я вам скажу.

А я внутри этого жаждущего развлечения тела понимаю, что ничего не понимаю. Еще несколько мгновений назад страх полностью владел всем моим существом. А сейчас? Сейчас я стою с окровавленными вилами в руках и с жаждой смотрю на еще недавно желавшую моей смерти толпу.

Что изменилось? Что произошло? Что со мной?

Я схожу с ума? Или уже сошла?..

– Это адское отродье хочет запугать вас! Не поддавайтесь! – кричит монах, размахивая святым писанием.

И мне уже не сдержаться. Лавина уже несется, собираясь погresti под собой всех и каждого. Ведь я разжигаю огонь чужого порока. Я – демон. И пусть этот бог не открыл мне двери своего дома... Пусть.

Их откроют для меня его же послушники.

– Ты так жаждешь власти, епископ. Так хочешь получить единоличный контроль над

паствой овец, подходящих только для того, чтобы их остригать и отправлять на бойню...

– Заткните эту лживую пасть! – срывается он на крик. – Она вводит вас в сомнения!

– Или может, открывает глаза? – мягко отвечаю. – Посмотри, что ты с ними сделал? Что говорит Бог? "Не убий". Он не делил на виновных и правых. Он любит всех одинаково. А ты, кто говорит от его имени, что утверждаешь? Или ты считаешь, что прихожане не умеют сами определять разницу между жизнью и смертью? Они глупы, так ты думаешь?

Я смотрю на всех остальных. На тех, в чьих лицах еще горит огонь ненависти. Вот только вектор приложения этой силы меняется.

– Да, я та, кого вы называете ведьмой. Но куда я пришла в первую очередь? К Богу в дом. Но кто его закрыл? Не этот ли человек закрыл двери церкви, не давая вам напрямую говорить с Богом?

Вот это меня несет... Слишком далеко. И слишком сильно.

– Готовы ли вы признать, что семь заповедей – ложь? Готовы ли вы сказать апостолу Петру, что нарушали их просто потому, что так сказал какой-то мужчина в сутане? Этому ли учит Священное писание?

Постирония? Демон, проповедующий у дверей церкви? Это уже слишком!!!

– Готовы ли вы принять на свои души этот грех? Если да, складывайте костер. Сжигайте меня. Я пришла просить помощи и понимания у Бога, но найду лишь очищающее пламя... Что ж, – я улыбаюсь. – Это тоже будет ответ.

Что вашему Богу плевать. Но я не произнесу это вслух. Пусть каждый сам отвечает на этот вопрос. Они замерли. Монах стоял в кольце своих подопечных, но почему-то не спешил продолжить спор. Я не победила в сражении, это понятно. Но посеяла зерна сомнений. Значит, война выиграна...

Без единой смерти.

Я снова беру ключ и открываю им двери церкви. Вот так просто. Шаг в темный проем, и...

Он. Задание 2. Мое имя

Ненавижу ковыряться в земле! Огороды, сады и дачи – это все совершенно не моё. Искренне уверен, что картошку лучше выращивать в супермаркете, а в моём доме дохли даже кактусы.

Не скрывая брезгливого оскала, я старательно отряхиваю жёсткий фетр, пятерней разделяю взмокшие волосы и возвращаю шляпу на голову.

А ведь я предлагал сбросить тело в реку, но это же, блядь, "не по-христиански"!

И плевать, что старине Сэму уже всё равно, а нам пришлось тащить на себе его жирное тело, рыть по жаре яму, и ещё предстоит полдня выковыривать грязь из-под ногтей.

Как будто вспомнив о чем-то исключительно важном, я придирчиво рассматриваю собственные руки. Между прочим, весьма не плохие. Широкие мужские ладони, с длинными пальцами и аккуратным выполненным маникюром. Хоть я и стал мужиком, но превращаться в неухоженную свинью не намереваюсь.

– Эй, Валли! – окликают меня со спины.

Лениво поворачиваю голову, раздраженно смотрю из-под края шляпы. Оба мои подельника стоят в стороне над свежей земляной насыпью и нагло скалятся. Такие же взмыленные и не довольные, как и я, с закатанными по локти рукавами и с лопатами вместо привычных "Томми-ганов" в руках.

– Чё надо? – я не стесняясь выказываю своё недовольство панибратскому обращению и подхожу ближе.

Мы конечно успели вместе побывать в паре передрыг, но за одним столом водку всё-таки не пили.

– А чего у тебя имя-то бабское такое? Валери! Может мы не знаем чего, а? – скабрёзно хихикает один.

Малыш Джонни Стю, двухметровый балбес с тремя классами образования церковно-приходской школы. Тупой как пробка, но исполнительный и без хитростей за пазухой.

– Весь такой чистенький, да свеженький. Щитины кот наплакал. Уж не девка ли часом?

Нарочито громко цыкаю сквозь зубы. Меня бесят его плоские шуточки. Но чего, собственно говоря, я хотел? Сам дурак, коли умудрился брякнуть Дону Сантино в первую встречу своё настоящее имя. Вот теперь приходится расхлёбывать.

– Валерий, – с четким акцентом на последнем слоге произношу прямо в лицо обидчику. Из-за разницы в росте смотрю на него снизу вверх, дерзко и с вызовом задрав подбородок. – Если заслужишь, то просто Валл. И лучше так больше не шути, а то в следующий раз будем хоронить уже тебя.

Жёстко тычу пальцем Малыша в грудь. Разумеется, я в наглую блефую и нарываюсь на неприятности. Весовой перевес не в мою пользу, да и опыта в кулачных боях, мягко говоря, с гулькин хрен.

Вот только я не совсем debil, чтобы необдуманно, без веской причины рисковать целостью лица и костей. А причина у меня есть. Очень надо проверить один очень занимательный слушок. Оттого я и прожигаю старину Стю недобрым взглядом, раздуваю ноздри точно индюк и продолжаю тыкать в него пальцем точно дулом пистолета.

Малыш злится, медленно покрывается пунцовыми пятнами, но молчит. И я вижу, что даётся это ему ой с каким трудом. Быть мне сегодня битым.

– Эй, парни! – нас обоих отвлекает голос Брэда. – Да вы похоже на солнце перегрелись оба. Кончайте бузить! Нам ещё в магазин возвращаться.

Брэд старше нас обоих, и наверняка умнее своего напарника. Иначе бы не стал встревать в разборки молодых.

– А там-то что делать? – с подчеркнутой неохотой отстаю от Малыша и делаю пару шагов назад. Внутренне я безумно рад, что не дошло до драки. Малыш, думаю, тоже. Но внешне мы еще смотрим друг на друга точно бойцовые петухи на арене. Пыжимся и косыми взглядами демонстрируем важность.

– Действительно, Сэм уже здесь, – Стю тут же подхватывает разговор, деловито тычет носком ботинка в земляной холмик. – Чего теперь торопиться-то?

– Да? Ты это Сантино потом рассказывать будешь, если не успеешь бумаги до приезда фараонов забрать. Так что, Джони, и ты... Валл-лерий, лопаты в зубы и пулей в город!

В этом Брэд безусловно прав. Избавиться от трупа – только половина дела, надо ещё успеть замести следы.

Мы молча подхватываем лопаты и возвращаемся к автомобилю. Больше не разговариваем. Но мне болтовня больше и не нужна, самое главное я проверить успел.

Меня не тронули, а значит, кокетка Пэри оказалась права. Люди Ордена побаиваются в открытую связываться со мной. Интересно теперь узнать почему. Неужели это все после того случая на кирпичном заводе? Проверить бы...

А пока надо держать свои сомнения в тайне.

Вечность 0. Десять минут ничего

Что такое десять минут?

Когда ты юн – решился на один поцелуй.

Чуть старше – признаться в любви.

Чуть агрессивней – очень сблизиться в маршрутке или примерочной.

Чуть мудрее – купить цветы и вино для смазывания межличностных поверхностей для ускорения доступа к самому интересному.

Чуть хитрее – приобрести коктейль покрепче в клубе и увести в подсобку.

Чуть злее – силой заставить, но это нехорошо и неправильно.

Чуть старше – принять предложение от партнёрши, которую знаешь слишком хорошо.

Чуть взрослее – выбрать между мягким диваном и условно-бурной постелью...

А когда ты стар... этого в лучшем случае хватит только на то, чтобы спустить ноги с кровати.

А что для тебя десять минут?

Вечность 1. Трактир Меж двух миров

– Заходи в мой трактир, будь как дома, путник, – весело сказал трактирщик, ставя перед гостем пинту отличного ароматного эля. В темных волосах проглядывали нитки серебра, а в хитрых глазах играл ум и азарт молодого еще душой человека. Вот только годы, проложившие свои тропы-морщины в уголках глаз, слишком красноречиво говорили, что стоящий за стойкой не так уж и прост. – Или узнать чего хочешь?

Гость задумался. Положил на стойку плату за кружку, сел на высокий табурет, обитый плотной кожей, и лишь после этого прямо посмотрел в глаза хозяину заведения.

– Кто ты, трактирщик? – прозвучал странный вопрос.

– Интересные слова ты говоришь. И не менее интересный ответ ты на них ждешь, я так понимаю, – усмехнулся хозяин и достал трубку, отыгрывая себе еще немного времени. – Вот только прямо ответить на такой вопрос я не имею права, сам понимаешь. Готов сыграть в игру с одним единственным шансом узнать правду?

– Да. Я хочу знать, кому принадлежит трактир, чьи двери ведут сразу отовсюду.

Кабатчик вздохнул. Выдохнул струю дыма к потолку. И медленно начал говорить. Голос был тихим. Не было ни молний, ни ветра, ни мрака, но каждое слово будто жило своей жизнью, становясь очередным воином в армию нападавших на путника.

“У меня десятки имен.

Меня помнят. Меня чтят.

Давным давно меня знали многие, если не все, на просторах земли Русской. Сейчас обо мне помнят сотни. Но каждый раз, смотря в зеркало, они видят мое имя. Десятки, тысячи, миллионы упоминаний обо мне видят они в зеркале.

Я был среди тех, кто покровительствовал мудрецам, сказителям, купцам и просто путешественникам. Но... Человеческая память коротка. И меня назначили злым духом. Был ли я злым? Нет. Я был собой. И собой и останусь.

Я был с тобой, Человек. И с тобой и уйду, Славянин.

Мой дом – рядом с тобой. И род мой берет начало не в небе и Чертогах, а здесь, на земле. Первый среди равных. Лучший среди лучших. Они так и не приняли меня в свой круг. А вы, люди, так и не отпустили из своего.

Да я и не собирался никуда уходить. Мое место здесь. На пыльных дорогах, среди путников, в библиотеках, среди тех, кто творит и записывает, на полях, среди тех, кто пашет и возделывает. Среди тех, кто строит, а не разрушает. Я – такой же, как ты, Человек, а не такой, как они.

Мне все досталось не по праву рождения. А за тяжелый труд.

Знаешь, что самое веселое, друг мой? Меня не раз пытались сделать частью чужой веры. Я был и святым, и демоном, и героем, и никем. Но всегда оставался собой. Мой дом – рядом с твоим. Всегда.

Меня помнят. Меня чтят.

У меня десятки имен”.

Трактирщик закончил свое повествование. Посмотрел на гостях. Затянулся. И поставил перед ним новую пинту. А вторую налил себе.

– Ответить можешь не сразу. Просто попытка одна. Ошибешься... Больше ко мне во двор не попадешь.

Она. Задание 9. Недорассказанные сказки

– Итак, – хмуро говорю я, усаживаясь напротив бармена в своем любимом заведении этого района. – Что такое “у вас один недоброжелатель”?

– Это-то? – он улыбается и достает из ящика одну из газетных вырезок, которые выполняли роль глоссария на все случаи жизни. – Это значит, что ты насолила кому-то из других людей. И оказалась в черном списке.

Я беру бумагу и задумчиво пробегаю взглядом текст. По мере прочтения у меня начинает пригорать. Очень и очень сильно. Мало того, что запихнули в тело сраной демонической шлюхи в сраный мирок, где правят балом мафия и насилие, так еще и мне надо пресмыкаться перед каждым встречным-поперечным, чтоб вдруг не оказаться в черном списке?

– Таков порядок этого мира, Лен. Таким его создали.

– Кто, мать твою за ногу десять раз, создал это дерьмо? – указываю длинным темным коготком на интересную приписку в конце статьи. – Почему именно сто? И как определить других игроков?

Он складывает руки на груди, потом, будто опомнившись, достает изогнутую трубку, медленно набивает ее табаком и раскуривает. И лишь по окончании этих степенных действий он отвечает на мой вопрос.

– Это-то как раз просто, – усмехается он, задумчиво осматривая меня. – Пить что-нибудь будешь?

– Давай на твой выбор сегодня. Мне думать лень, голова уже пухнет от всего вот этого вот.

– Понимаю. Предлагаю сегодня “Терре дель Тереоло”. Прекрасный букет с нотками черешни, – он достает с полки одну из бутылок, профессиональным движением открывает и аккуратно по изогнутой боковине бокала, давая вину насытиться кислородом и наиграться со светом в солнечных зайчиков, наливает темно-алую жидкость. – Что же до твоего вопроса... Кто создал – ответить не могу. Но вот почему – запросто. И дам одну подсказку, если хочешь.

И вот тут пора подумать. Сильно подумать. Этот tutorial, думаю, проходят все. Главный вопрос: всем ли дает этот улыбчивый бармен с темными, как ночь, глазами, такие подсказки. Или действительно только мне?

Я до сих пор не знаю, как работает этот мир. Но то, что меня сюда затащило по самые кончики рыжих волос, – бесспорно. И как вернуться обратно? Это гребанный вопрос, на который у меня нет ответа.

– Руби правду-матку, – плюнув на все, говорю я мужику за стойкой, делая первый глоток. Ненадолго у меня даже перехватывает дух от великолепия смеси оттенков вкуса. Но богатый интонациями и обертонами голос собеседника выводит меня из транса алкогольного оргазма.

– Этот мир устроен просто для таких, как вы. Живете, творите, что хотите, но до тех пор, пока никто не подаст на вас жалобу. И чем больше жалоб, тем больше у вас проблем. Когда же набирается сто жалоб от других... переселенцев, – это слово выделено необычной интонацией, значение которой я еще не понимаю, – то вас... кхм... убивают.

– Кто?

– Не могу ответить на вопрос.

Этот ответ кажется мне странным, но мне нечего противопоставить этому. Ибо как я могу надавить на него, если он даже в кредит наливает, м? Конечно же, ничего не могу сделать! Особенно, когда в бокале плещется такое прекрасное вино!

Ведь что надо женщине? Правильно, забота, любовь и ласка. И пофиг, что внутри этой женщины вдруг оказался бородатый мужик, неведомой силой запихнутый внутрь ММО, или что это такое вокруг?

В общем, все сложно. И это не статус в соцсети, это реальное положение дел. Я достаю пафосные часы на тонкой цепочке из карман пиджака и смотрю на то, что показывают упрямые стрелки. До очередного выхода на сцену моей темной субличности осталось около двух часов. Надо успеть хоть что-то сделать, иначе что-то сделают со мной...

Ах, тяжела жизнь игрока, оказавшегося в роли демона похоти. Ну вот как мне теперь жить, м?

Правильно. Все сложно. И весело.

Пля.

– Но есть одна интересная особенность всех этих списков, – наклоняется бармен ко мне и заговорщицки подмигивает. – Но, прямо сказать я не могу. Но... Какие слова приписывали одному из вождей?

Вот тут у меня в голове что-то с оглушительным треском щелкает. Какие слова приписывают одному из вождей?

Правильно. Нет человека – нет проблемы.

– А как я их найду?

– Очень просто, – протягивает он мне телефонный справочник, очень хорошо смотревшийся в его увитой татуировками руке. – В конце собираются все пометки о тех, кто к тебе как-то относится. Смотри сама.

Я беру книжку в твердом переплете, покрытом дорогой кожей, листаю страницы до самых последних и... нахожу список имен с короткими приписками вроде “нейтрален”, “недолюбливает”, “восхищается”...

И только напротив одной из фамилий я вижу надпись “Обратился в органы”. Поднимаю взгляд на демона-искусителя за стойкой, и понимаю, что все это не просто так. В его глазах я вижу одобрение, хотя ничего вслух и не говорится. Мы отлично понимаем друг друга без слов.

Но, с другой стороны... А почему бы и да?

Ну что, Кларк Кейбл, я тебя помню, дорогуша. В лицо сказать не смог? Ну что ж... Поиграем. Планы на вечер определены. Ты хотел дуэль, ты ее получишь. Так просто ты теперь не отделаешься...

И язычок начинает свое томное путешествие по острым зубкам. Я готова к играм такого рода. Надо только чулочки не забыть. И кружевное белье.

Она. Задание 10. Мрачная история

– Все-таки, расскажи, что это за история, в которой я участвую? – деляя глоток черного, как смоль чая, спрашиваю я бармена.

Иногда мне кажется, что в этом баре я провожу больше времени, чем во всех остальных местах. Или бухаю, или болтаю, или бухаю. Глобальные вопросы решаются за бутылкой. Получаются задания и они же сдаются. Мной или кем-то еще...

– Ты? Ты живешь, рыжая, – хмыкает мужчина за стойкой, делая очередной коктейль для посетителей, которых в баре всегда битком. – Или тебе что-то не нравится? Здесь ты – важная персона, могущая влиять на все и всех.

– Я не хочу этого! Слышишь! Не хочу! – видимо, в чае было что-то еще, явно алкогольное. – Я хочу быть собой, а не вот этим вот!!!

– А это ты. Ты хотел... хотела быть важной, нужной и интересной. Теперь ты такая и есть. Желание исполнилось, – он пожимает плечами, а в темных глазах сверкает насмешка. – Так что тебе конкретно не нравится?

Вот тут уже впору задуматься, а что, собственно, не так в моем новом состоянии? Ну например то, что мне постоянно хочется трахаться. Вот прям зудит между ног... И не только между ног. Боги, темные и светлые, это прям проблема.

Причем большая.

– Я не хочу быть суккубой! – почти кричу я ему, и на меня тут же смотрят чуть ли не все присутствующие.

Бармен пожимает плечами и улыбается.

– Думаешь, я хочу стоять здесь и давать советы? – насмешливо говорит он. – Но вот стою, помогаю, смешиваю коктейли. У каждого есть роль, с которой он справляется лучше всего. Идеальное общество.

– И в нем мне досталась роль демона похоти?!

– А чем она плоха? – насмешка в его глазах становится слишком явной.

– Да твою мать... – я пытаюсь вспомнить, как его зовут, и понимаю, что вообще не в курсе. Он даже не представлялся никогда. – Кстати, а как тебя зовут? Мы с тобой пьем в баре уже туюву хучу времени, и до сих пор я этого не знаю.

– Думаешь, это важно? – отвечает бармен на мой вопль полуулыбкой. – Ну называй меня Вэл. Нормальное сокращение от моего имени.

– Вэл?.. – не сочетается у меня его образ с задумчиво-мудрыми темными, как ночь, глазами и проседью в бороде и на висках с таким легким именем. – Хрен с тобой, большая черепаха. Будешь Вэлом. Итак, Вэл, мне не нравится в моей роли... все!

– Вот прям все? – ох, как хитро этот говнюк улыбается...

И я уже прям рычу в ответ. А он – улыбается.

Говнюк.

– Вот прям все! Я не хочу убивать людей! – он демонстративно начинает загибать пальцы. – Не хочу с ними трахаться! – второй палец. – Не хочу, чтобы все на меня смотрели, как... На порномодель! Все хотят со мной поговорить, выслушать, рассказать мне о себе и привлечь мое внимание...

Третий, четвертый и пятый пальцы сжимаются с остальными, образовав кулак. Его обладатель качает головой, встряхивает кистью и наливает в высокий тонкий фужер что-то

явно крепкое и очень алкогольное.

– А теперь послушай, что я тебе скажу. Кто говорил, что тебя достали люди и тебе хочется их поубивать?

– Я... – наглый червячок предвещающего трюндец уже лезет в голову, но я еще надеюсь на что-то.

Наивная.

– А кто жаловался, что с противоположным полом проблемы?

– Ты к чему клонишь?!

– Кто говорил, что его не замечают? Или кричал, что с тобой не хотят общаться? Или...

– Заткнись! – ору я.

А он протягивает мне тот самый фужер.

– Вот теперь у тебя этих проблем нет. Поздравляю, – хмыкает он, наливая себе пенного. – Так чего жалуешься?

– Что это за мир такой?!

– Это? Игра. Ты же знаешь ответ. Игра с полным погружением для таких, как ты. Вы так и не смогли определиться там, как жить, но предпочитали тратить жизнь на всякие игрушки. Теперь... у тебя есть возможность сделать выбор. Но уже здесь.

Обжигающая жидкость горным потоком несется по пищеводу. А я смотрю на него. На темные глаза в окружении морщин. И понимаю, что...

Все так и есть.

– А отсюда можно выбраться?

– Не думаю, – пожимает он плечами. – Эта игра, говорят, начинается после смерти. Но никто из людей не знает ответа.

– Твою же мать... – только и могу прошептать я в ответ. – Налей еще.

– Конечно. То же самое.

– Угу.

Он. Задание 3. Иду. Брожу

Я бродил по серым улицам города до самого заката, пока холод и жажда не загнали меня под первую попавшуюся на глаза вывеску. И теперь я сижу в гордом одиночестве за самым дальним столиком, уничтожаю горькое пойло и взъерошенным хорьком поглядываю по сторонам.

За круглыми, массивными столами, на кожаных креслах ужинают представительного вида мужчины. Все как один, в костюмах и при шляпах. Дамы облачены в, на мой вкус, слишком вызывающие наряды, поголовно украшенные перьями и бисером. На сцене дергают струны залихватского вида негры, да простят мне мою не толерантность окружающие. В зале шумно и накурено. Не курит только ленивый и официантки, и то только потому, что руки заняты разносами.

Определенно, в следующий раз надо будет найти местечко потише.

В моей голове бешеным галопом скачут по кругу мысли, одна другой придурковатее и страшней. Никогда бы не подумала, что фраза "и ты не девочка теперь" может иметь буквальное значение. Точнее сказать, не подумал бы, правильнее же теперь говорить так. То, что я стал счастливым обладателем мужских причиндалов и растительности в самых неожиданных местах, выбило меня из колеи больше всего. Разве вообще возможны такие изменения меньше, чем за один день? Бред. Один сплошной бред.

Про то, что место, в котором я оказался, совершенно не похоже на мой дом в Астрахани, я вообще молчу. Одежда в стиле ретро, машины в стиле ретро, дома и те в чертовом стиле ретро. Как будто где-то там на небесах, кто-то решил пошутить надо мной и просто закинул сознание в тело совершенно незнакомого мне чувака.

Но самое странное то, что чем больше времени я нахожусь здесь, тем крепче во мне уверенность в правильности происходящего.

– Сэр... сэр?

Тонкий мальчишеский голос отрывает меня от стакана и бесконечных самокопаний. Я с удивлением замечаю рядом с собой парнишку лет четырнадцати, с грязным лицом и в растрепанной рубашке.

– Сэр, пойдёмте со мной. Вас ждут.

Он тянет меня за рукав и хитро озирается по сторонам.

– Чего тебе? – недобро рычу я и сам пугаюсь непривычного баритона, – Чё пристал?

– Сэр, вас ждут, пойдёмте, – не отстаёт он, и мне приходится сдаться.

В конце концов, я не вижу причин не следовать указаниям юного проводника. Я же собиралась, собирался, поиграть в новую РПГ. Так почему бы не воспринимать это именно так? Может быть уже завтра я проснусь в своей постели с повязкой на лбу и жуткой головной болью. А сейчас давай посмотрим, что ещё мне может предложить серый Чикагинск, полная копия нашего Чикаго тридцатых годов, если конечно верить местным газетенкам.

Ночной город мне понравился куда меньше дневного. Ни тебе неоновых витрин, ни ярких вывесок, ни света фар снующих туда-сюда машин, только тусклые фонари и скудный свет отдельно взятых окон. В такой темноте за каждым углом и мусорным баком мерещатся монстры из детских кошмаров и грабители с ножами наперевес.

Мой юный проводник прыткой ящерицей скользит по мостовой, уводит меня вглубь узких проулков. А я точно тупой баран слепо следую за ним, спотыкаясь в темноте о

бордюры. Эх, сейчас бы сюда фонарик или хотя бы спички.

Стоило только подумать об этом, как пальцы сами собой сложились в замысловатый жест, щёлкнули друг о друга подушечками и выбили черноту ночи яркой вспышкой белого света.

– Ого! – восхищенно вскрикивает мальчуган, таращит на меня огромные зенки. – Как? Как это у вас?

Я и сам хотел бы знать, как это у меня. Но не показывать же первому встречному свою растерянность. Где-то в глубине своей памяти, между кличками всех кошек и рецептом бабушкиного пирога, само собой отыскивается объявление. Я так умел всегда. Да-да. Именно так. А ещё вот так и вот так. В голове как будто что-то взрывается и я утопаю в огромном вихре каких-то образов, заклинаний и ритуалов. Да, чёрт возьми, что это такое?

– Мистер... Мистер... Сэр! – взволнованный мальчишеский голосок снова выдерживает меня в реальность, и я ловлю себя на мысли, что уже какое-то время молча стою и пялюсь на светящуюся ладонь.

– Чего тебе? – озадаченно фыркаю и встряхиваю рукой. Свет пару раз моргает и растворяется в темноте.

– У вас всё в порядке? Нас же ждут.

– Ну так веди, – не скрывая раздражения прикрикиваю я на мальчишку. – Тебя для чего послали? Лясы точить?

Мой проводник подпрыгивает от неожиданности, явно не ожидая такой грубости в свой адрес, и пускается по темным улицам с двойной скоростью. Я еле как успеваю за ним. Быстрым темпом мы пересекаем ещё два квартала и останавливаемся у трёхэтажного здания, в окнах которого тускло мерцает свет. И пока я осматриваюсь по сторонам, мальчишка пропадает из поля зрения, будто и не было его никогда. А мне остаётся лишь одно – шагнуть в неизвестность навстречу возможно своей судьбе, а возможно и новым неприятностям.

– Ты опоздал, – первое, что я слышу, поднявшись на третий этаж.

В просторной комнате за столом в центре и на диване возле стены сидят люди. Я с ходу насчитываю шестерых, но это только те, кого освещает тусклая лампа под зелёным абажуром. Возможно в густой тени по углам притаился ещё кто-то, мне не разглядеть. Все они в шляпах, костюмах-тройках и с белыми шарфами на плечах. Как будто каждый из них выполз из старого кино про Крестного отца.

– Ждёшь, понимаешь, его тут уже третий час, ждёшь, как дурак, – ворчит тот, что крупнее всех, здоровый такой детина, с не обезображенным интеллектом лицом. – Ты время вообще видел?

– погоди, Малыш, – отсекает его улыбчивый рыжий парень помоложе. – Давай сперва послушаем, что он нам скажет.

– Да что он может сказать? Щегол! Свалился невесть откуда, теперь возись с ним!

– И всё же. Малыш, разве тебе не интересно послушать его историю?

– Мне интересно пойти домой!

Здоровяк злится и делает это с явным удовольствием. Рыжий смеётся и дружелюбно то и дело подмигивает, остальные хмуро рассматривают меня, точно беговую лошадь перед скачками. А я и правда как идиот стою и молча пялюсь на собравшихся в ответ. Ну а что мне сказать? "Привет, я Валерия. Вчера ходила в юбке и крутила бигуди, а сегодня чешу яйца и высекаю пальцами огонь"? Бред. Один сплошной бред.

– Ну чего молчишь? – из-за стола подаёт голос худощавый мужик, лет так сорока, со

шрамом через всё лицо. С такого точно только бандитов рисовать. – Рассказывай, где шарахался?

– Он в ресторане был, у Стивена, – откуда-то из-за моей спины доносится звонкий мальчишеский голосок. – Я его там нашёл!

Я не успеваю обернуться, а мой недавний проводник юркой змейкой проскакивает мимо и деловито подходит к тем троим, что сидели за столом. Получает пару монет и снова исчезает в тени, пронырливый маленький засранец.

– Ха! – тут же ловит тему Малыш, похоже это его не особо оригинальное прозвище. – Мы, значит, его ждём, а он шары заливает!

– Не кипятись, Стю, – жмёт плечами рыжий. – Сам бы так же поступил. Я – Мартин, – он делает шаг вперёд, но руку не подаёт. – Этот шумный – Джонни Стю. За столом Брэдбери Маккой, Терри Бин и Боб Ларен. А это Джереми.

Он представляет каждого по очереди, и каждый кивает мне, приподнимая шляпу. А я чувствую себя школьницей, переведенной из другого класса, не меньше. Противное, липкое чувство и обязательно ощущение подвоха.

– Валери Крафт, – наконец я выдавливаю из себя имя, кажется именно так я назвался дону. – Не местный, в общем, я.

– Валли! – грудной хохот всё того же Малыша разрывает повисшее в комнате напряжение, отражается косыми ухмылками на лицах остальных и безумно бесит меня.

– Чё ржешь? – не выдерживаю я и злобно скалюсь в ответ. – Зубы что ль лишние?

– А ты подойди, да посчитай, – тут же с готовностью огрызается Стю под одобрительных гогот собравшихся. – Если силенок хватит!

– Да заткнитесь оба, – негромко говорит тот, кого называли Брэдбери, и все замолкают. – Указания Дона не обсуждаются.

Он не торопясь встаёт из-за стола, устало трет переносицу, и я чувствую в нем скрытую силу и вижу тот скрытый авторитет, которым пользуются старшие, проверенные товарищи. Брэдбери подходит ближе и первый протягивает мне руку. Я тут же отвечаю ему тем же, но отчего-то прячу недовольный взгляд.

– Зови меня Брэдом. С этого дня будешь работать со мной. В курс дела введу уже завтра. Ты и вправду опоздал.

– Извини... – я тушуюсь под его пристальным взглядом и теряюсь в мыслях. Вроде как мужчины не должны извиняться, тем более действительно мне было знать про эту встречу?

– Он, значит, опоздал, а ты его жди, – продолжает рычать Стю.

– Да ладно тебе, – вмешивается тот, кого называли Джереми, высокий, мало чем примечательный блондин. – Пошли уже по домам, через кабака Билла. А Тим проводит новичка до дома. Эй, паршивец, вылезай.

Мужчины одобрительно закивали, а меня снова потянули в сторону цепкие мальчишеские руки. И как только ему удастся быть таким незаметным?

– Кстати. Ты подписал контракт, – Брэд не спрашивает, утверждает. – Какую цифру указал в графе допустимых убийств?

– Убийств? – не понимая морщусь, усиленно пытаюсь вспомнить, о каком документе вообще говорит этот мужик. – Ты о чём?

– Чё? Зассал? Говори давай! – скалится Стю.

– Да погоди ты, – в очередной раз сдерживает его Мартин, судя по всему они друзья, так как на братьев не похожи внешне. – Ты теперь часть нашего Ордена, часть семьи, и мы

должны знать, чего ждать от тебя. Так устроен наш мир, – начинает пояснять рыжий, и я действительно вспоминаю какой-то контракт, подписанный мной в полубреду. – Ты заключаешь договор с высшими силами мироздания, добровольно выбираешь число принимаемых на душу смертей и живёшь дальше.

– А потом отдаешь богу душу, – влезает в разговор Джереми, ведёт большим пальцем по горлу и весьма живописно изображает смерть. – Как только набираешь выбранное число разумеется.

– Ну так сколько? – с нетерпением косится на меня Боб, похоже его этот вопрос интересует больше остальных.

– Пятьдесят... – невнятно тяну кое-как всплывшее в памяти число. – Но это не точно.

На несколько секунд в комнате повисает тишина, настолько густая и гнетущая, что я слышу стук собственного сердца и, кажется, мышь в дальнем углу. С лиц моих новых коллег в раз спадают ухмылки и какие-либо ещё эмоции. Брови сдвигаются к переносицам, в углах ртов собираются морщины. Кто-то закуривает, кто-то сдвигает на лоб шляпу. А я откровенно не понимаю, что именно в моём ответе так смутило и заставило задуматься остальных.

– Мистер, пойдёте, – вмешивается в тишину малец и настойчиво тянет меня к лестнице, но я даже рад поскорее зарончить этот день. Хочется уже добраться до постели и как следует подумать. – Кстати, с вас доллар.

– Получишь, когда доведешь, – за меня отвечает Брэд. – До завтра, Валери, больше не опаздывай.

– Мистер, а вы ещё покажете тот фокус со светом в руке? – уже на выходе интересуется пацан, но его к несчастью слышат все.

– Какой фокус? – настороженно интересуется Джереми, и я физически ощущаю на своей спине цепкие взгляды между прочим, как я успел заметить, весьма вооруженных людей.

– Он фонарь пальцами зажгёт! – Тим широко жестикулирует, волчком крутится вокруг меня и начинает восторженно рассказывать о случившемся.

– Покажи, – кратко не то просит, не то приказывает Брэд, и я подчиняюсь.

Во-первых, мне совершенно не хочется нарываться на конфликт, а во-вторых, действительно интересно самому, а получится ли повторить фокус. Я делаю глубокий вздох, выискиваю в памяти нужную комбинацию, щёлкаю пальцами и на моей ладони действительно зарождается свет. Будто я взял и поймал солнечного зайчика, маленького такого, теплого и ласкового. Я пару минут смотрю на перетекающий между пальцами свет и, с трудом пересилив себя, стряхиваю его на пол.

– Веди уже, – подгоняю я открывшего от изумления рот Тима и спускаюсь по лестнице. – Спать хочу.

На новых коллег по цеху я больше не оборачиваюсь. Даже представлять не хочу, о чём они все там думают. Слишком много событий для одного дня. Слишком. Я со всем обязательно разберусь потом, но точно не сегодня и даже не завтра, если оно вообще наступит.

Она. Задание 11. Горечь

Я пью

Кто-то кричит на улице. Я пью.

Кто-то зовет на помощь. Я пью.

Кто-то задыхается от боли. Я пью.

Болезненная дрожь пробегает по телу. Мне очень плохо. Я вижу мир вокруг, хочу кричать, но не могу. Я не верю. В первую очередь, себе.

Усталость. Болезненная усталость от самой своей сути. Я пью. Что? Да что угодно. Сигаретный дым смешивается с пеплом моих мечтаний, я смотрю в окно и делаю глоток за глотком. Там, вне здания нашей Академии идет жизнь. Настоящая жизнь. А здесь... здесь я в клетке, куда села сама, спасаясь от самой своей сути.

Я боюсь. И поэтому пью.

Нет. Я не душа компании. Не лучший человек на земле. И даже не хороший человек. Все это ложь. Маска. А там, под маской, болезненный страх снова остаться одной. Снова смотреть в чужие лица и не находить в них ничего, кроме... удивления и насмешки. Поэтому я смеюсь всем невздам в лицо. Поэтому я закрываю амбразуру чужих страданий. Встаю наперерез чужой боли.

Я слушаю. А потом... пью.

Солнце встает раз за разом, окрашивая пустоту за зрачками в алый свет. Я не чувствую под собой силы и уверенности в том, что справлюсь со всем, что снаружи и внутри. Я вообще ничего не чувствую.

Но я встаю каждое утро. Улыбаюсь. Несу всем кусочки пепла своей души, чтобы они на этом взрастили сад уверенности. Сгореть без остатка, видимо, мой удел.

А каждый вечер я пью. Ведь боюсь остаться одна. Снова.

Надо убить в себе сознание, отключить совесть, низвести себя до уровня животного, чтобы снова делать то, что должна делать. Играть выданную роль.

Ведь я – не тот человек, которого вы видите. Нет, возможно, я не так плоха, как кажется. Но...

Слишком много "но". И пусть все потом скажут, что у каждого этих "но" целый товарный состав. Пусть.

Я-то знаю, что мое самое главное "но" – ложь. Я – не та, за кого ты меня принимаешь.

А ты, сволочь такая, не веришь. Почему?!

Я курю и пью.

А ты?

Он. Задание 4. Дом судьи

"Да какого хрена? Совсем новые же! Только-только купил!" Я брезгливо вытираю край отинка о ворсистый ковёр и аккуратно перешагиваю через кровавую лужу у дивана.

Вообще, ненавижу шариться по местам массовых убийств. Это всё равно, что попасть куда-то под конец чужого праздника. Основное действие уже закончено, но еще не убрано. Ты чувствуешь себя совершенно лишним, если не сказать обделенным.

В нос бьёт тошнотворный запах. Эдакая гремячая смесь из алкоголя, успевшего подтuhnуть мяса и мочи. С удовольствием прикрыл бы лицо платком или хотя бы ладонью, вот только поступать так же как жирный инспектор Миггель нет совершенно никакого желания. Никогда не понимал, что такого сделал этот неповоротливый боров, что умудрился не только возглавить отдел расследования убийств, но и оказаться в милости старого Дона. Ему же только в грязи лежать да хрюкать!

– Ну что тут у вас? – если бы не мои личные мотивы, ни за что бы на свете не поперся в этот дом.

– Да вот... – в носовой платок бубнит инспектор и вместо пояснений обводит комнату рукой. – Судья Терренс с катушек съехал, застрелил жену и прислугу, а сам чуть не повесился. Еле из петли вытащили.

Я с подчеркнутым равнодушием ещё раз оглядываю прикрытый белой простыней труп. Ткань местами насквозь пропиталась кровью и теперь клочьями липла на неестественно изогнутые конечности жертвы. Когда-то аккуратно собранные волосы теперь бесформенной паклей торчали из-за края материи.

А ведь это была красавица Элен. Прекрасная женщина с не особо-то завидной судьбой. Судья Джонатан Терренс славился скверным характером и склонностью к насилию. Но чтобы вот так, среди белого дня и даже не позаботившись об алиби? Абсурд.

– Кто из прислуги? – делаю вид, что мне интересно, хотя по большому счету, я увидел достаточно.

– Горничная и посыльный. Трупы детей ещё ищем, – похоже, Миггелю тоже не особо интересно происходящее. Преступник взят, доказательства на лицо. Лёгкое дело.

– Детей? – всё же решаю уточнить я.

– Терренс порет какую-то чушь про убийство детей, бабу в красном, ходячий труп с дыркой во лбу. Призрак, растворившийся в никуда. В общем, ничего путного, но проверить надо, – инспектор натужно кашляет в кулак и принимается вытирать потный лоб этим же самым платком. – Работа, будь она неладна, у нас такая.

Даже не знаю, что мне в этом доме противно больше, факт жестокого убийства или лоснящийся от жира увалень, призванный распутать дело. Хотя, с другой стороны, чёрт с ним, и с тем и с другим.

Мне хочется одного: добраться поскорее до кабинета Терренса и забрать ту статуэтку из железного дерева.

– То есть, вы не сомневаетесь в произошедшем, инспектор?

– Ну... Судья хоть и орёт с пеной у рта, что его подставила какая-то рыжая сука, но и пистолет, и пули и отпечатки пальцев – всё принадлежит ему. Скорее всего, Терренса признают невменяемым и

Я больше не обращаю внимания на лепет толстяка. Потому что услышал больше, чем

рассчитывал, и увидел больше, чем должен был. Следы... Аккуратные отпечатки женских ножек на деревянном полу. Словно выжженные паяльником и, одновременно, будто просто нарисованные мелом.

Они не сразу бросились мне в глаза, но когда это случилось, сбивчивый рассказ инспектора собрался в единую картину. Рыжая сука в красном... Исчезающий в одно мгновение призрак. Жестокое убийство и поехавший умом судья. Уж не моих ли это подопечных проказы?

Нет. К черту размышления. Сделать то, за чем пришёл, и валить нахрен из этого пропитавшегося смертью и безумием дома.

– Хорошо, инспектор Миггел, я всё услышал, – учтиво киваю всё ещё бормочущему в носовой платок жирдяю. – Я передам Дону Сантино ваши объяснения. Разрешите ещё немного осмотреть дом?

– Да, да. Конечно! Я всегда рад оказать услугу многоуважаемому Дону.

"Услугу ты готов оказать, как же! Свинца ты в свою шкуру боишься, тварь, оттого и трясешься как осиновый лист. Ну, ничего, на тебя тоже управа найдется!" Я, точно заправский печник, подкармливаю своё раздражение отборными оскорблениями в адрес окружающих. Всё лишь бы не думать о том, чьё участие в этом грязном деле я заподозрил.

Винтовая лестница, длинный коридор, куча полицейских в котелках. Я прохожу эти препятствия на едином порыве, ни на секунду не сбавляя шаг, потому что мне интересно только одно.

Вот он – кабинет городского судьи. Просторный, с обитой дорогим сукном мебелью, огромным письменным столом и роскошными статуэтками из разных концов света на книжных полках. Меня интересует только одна из них. Старый, потёртый от времени идол откуда-то с берегов Гаити, выполненный из ракушек и древесины каркаса. Так называемого каменного дерева, что не горит в огне и в воде не тонет. Прекрасный ингредиент для моей новой задумки.

И вот я уже держу заветную вещицу в руках и готов уйти прочь, но донесшаяся до слуха возня в дальнем углу комнаты не даёт мне сделать этого. Медленно, точно вор, я крадусь на звук, держа наготове деревянного божка точно дубинку. Обхожу кресло, стол и... с удивлением натываюсь на голубые глаза подростка.

По-волчьему яростный взгляд мальчишки пробивает меня насквозь. Смотрит прямо, с вызовом, будто терять ему нечего. Глупец. Но стоит отметить, молчит и не кидается очертя голову на того, кто в три раза его крупней. Либо всё-таки не так уж и глуп, либо типу боится выронить девчонку, чью голову обеими руками прижимает к груди.

– Ну и кто ты такой? – я заметно расслабляюсь, убираю в сторону статуэтку, чтобы не спугнуть мальчика. – Чего молчишь? Там фараонов полный дом, позвать?

– Не надо, – пацан отрицательно машет головой. – Я Филл, это Эмми... Нам нельзя туда. Отец... Он... Он...

– Не убьет, – я обрываю его заикания, ещё не хватало получить от него истерику. – Что с сестрой?

– Без сознания. Он душил её...

– Филл, да? – я медленно сажусь рядом с ним на корточки. Вижу, он опасается меня, но тех, кто остался внизу, он боится ещё сильнее. Оттого и не дёргается от моей руки, когда я пытаюсь погладить его голову.

– Смотри, я тебе не враг, но и не друг. Я выведу вас отсюда, но сперва скажи: был ли в

доме кто-нибудь ещё? Ну, кроме твоей семьи и прислуги?

Он молча кивает в ответ, и по озадаченному взгляду и сцепленным в нитку губам я понимаю, что не ошибся с догадкой.

– Кто-то, кого вы до этого не видели, да?

Он снова кивает и отводит глаза в сторону.

– А как у вас оказались? – очень осторожно, но с напором я задаю решающий вопрос.

– Её Эмми призвала... Нечаянно! У отца книга была!

– Её? – с легким удивлением уточняю, но тут же спохватываюсь. – Тсс! Тихо. Потом расскажешь. Пошли.

Я аккуратно забираю на руки девчонку, не забыв при этом прощупать пульс на тонкой шее и убедиться, что не тащу с собой детский труп. Мы выходим из кабинета и незамеченными покидаем дом. Всё-таки я оккультист, и отвести чужой взгляд в сторону для меня левое дело.

Возможно, это очередная моя ошибка, но мне очень интересно послушать рассказ детей в более спокойной обстановке и без свидетелей.

Я помогаю мальчишке забраться на заднее сиденье кадиллака, передаю ему сестру и напоследок ещё раз окидываю дом взглядом. По сути дела, особняк как особняк, вот только зная о лужах крови на его полах, трёх трупах, шести разрушенных жизнях и одной явно существующей демонице, я больше не могу смотреть на него спокойно.

Она. Задание 12. Шепот тишины – молчание

Дым сигареты настойчиво лезет в ноздри. Я смотрю на него. Он смотрит на меня. Улыбка сама расцветает на лице. Только не на его. На моем.

– Ты шутишь, да? – под звон поставленного на стойку бокала спрашиваю у бармена.

– К сожалению... – он делает большой глоток. В темных глазах поблескивает какой-то странный набор эмоций. – Ты попала в этот мир и теперь ты его часть. Правила...

– Да плевать на правила!.. Мало того, что я сейчас в этом теле! Так теперь мне еще на это подписаться надо?

Снова молчание. Седовласый задумчиво кладет на стол передо мной бумагу с одной единственной графой. И местом для отпечатка пальца. И плевать, что в эти годы еще дактилоскопия не была признанной наукой в розыске.

– И так. Демон продает душу дьяволу, да? За право убивать людей? И еще и прописывает их количество? – я даже хмыкнуть не могу, настолько меня все это смешит. – Идеальный мир! Идеальный баланс, твою мать!

Сигарета снова между полных губ. Я затягиваюсь, чтобы никотин злобной стаей птиц пронесся по организму. Мне нужно выдохнуть. Успокоиться. Принять. И сделать выбор. Я – демон. Демоница, если быть точной. Внутри компьютерной игры со сводом правил и законов. И сейчас я собираюсь подписать на индульгенцию на убийство.

Остаться человеком? Или стать чудовищем, чьи зверства должны будут прекратиться в 35 лет? Сложный выбор.

– А если я превышу выбранный сейчас лимит? – глоток рома следом за дымом проносится по пищеводу. – Что тогда?

– За тобой придут.

– А если я и тех убью?

– Тогда за тобой придут другие.

– А если?..

– За тобой будут охотиться все.

– И ты?

Он усмехается. И эта усмешка говорит мне слишком многое. Он не придет. Не потому что не может. Не хочет. Просто не хочет. Всемирная охота за нарушителем порядка. Это ли не идеальная история для такой, как я? Может, потому великий рандом и выдал мне это тело и эту жизнь, чтобы...

Сломать машину?

Готова ли я? Нет. Я все еще в шоке и боюсь следующего шага. Но обучалку уже прошла. Пора включать hardmode. Жаль, IDDQD не работает.

И я макаю перо в чернильницу и вывожу идеальный круг цифры Ноль.

– Я готова.

Он. Задание 5. Дети судьи

Интернет. Хотя бы какое-нибудь подобие всемирной цифровой паутины. Вот чего мне действительно не хватает в этой славной дыре, под названием Чикагинск.

Гангстеры, демоны, магия, крутые автомобили и свобода – здесь есть всё кроме приличной библиотеки. Эдакая параллельная Земля из "Черновика" Лукьяненко со сдвигом по фазе не в ту сторону.

Так что мне пришлось обходиться бабушкиными методами и той частью моего мозга, что оказалась забита заклинаниями, ритуалами и прочими рецептами всяких порошков.

Повезло хоть, что девчонка попалась крепкая. Не смотря на попытку удушения, довольно быстро очухалась, даже с катушек не полетела. Пара дней в прострации, и вот уже сидит за столом и уплетает за обе щеки оладьи. Только не улыбается ни хрена и глаза всё время прячет.

А пацан молодец. Быстро в кучу собрался, ведёт себя тихо, лишние вопросы не задаёт и по дому помогает. Вот только я не нянька и вечно прятать у себя детвору не собираюсь.

– Оклемались. – подбросив на сковороде очередной пласт теста, констатирую я очевидный факт. – Это хорошо. Теперь давайте решать, что делать с вами дальше.

Скрип вилок по тарелкам как-то особенно резко прекратился, и на меня уставились две пары настороженных детских глаз. Я ощущаю это затылком, даже поворачиваться не надо.

– Не ссать. Фараонам и тем более папаше я вас сдавать не собираюсь, – успокаиваю я тишину, повисшую за спиной. – Вот только...

Наигранная пауза, напряжённый момент, и ещё одна пара оладий падает на блюдо посередине стола. Мои юные гости умны не по годам, слушают меня внимательно, без истерики. Отличные ребята.

– Вот только от вашего рассказа зависит, в какую сторону будут развиваться наши дела.

– Он нас никогда не любил, – первым подаёт голос мальчишка. – Мать бил, меня. Эмми доставал... – его голос вздрагивает, а лицо корчится в гримасе отвращения. – Трогал... Как горничных. Ублюдок! Тварь! Так ему и надо

– Тише- тише. Дело прошлое, – осекаю я паренька. – Мне, честно говоря, срать на ваши семейные проблемы. Вы – детки уже взрослые, самим пора за себя стоять. Ты мне лучше про бабу в красном расскажи.

Я разговариваю с Филлом, но взгляда не свожу с девчонки, и, как оказалось, не зря. При упоминании о женщине, её личико тут же бледнеет, а потом покрывается румянцем. Глазки бегают из стороны в сторону, и, похоже, Эмми уже не до завтрака.

– Ну... – Филл мнется, по всей видимости, подбирает правильные слова, чтоб не сболтнуть лишнего.

– Смелее, Филипп Терренс, смелее, – я сажусь напротив подростков и мягко кладу руки на стол. – Это исключительно только наш разговор, – заверяю я его, как взрослого.

– Это я её позвала, – тихим голоском шепчет девчонка, брата выгораживает, похоже, паренёк совсем не при делах. – Нечаянно! Честное слово. У нас книга есть, черная, со звездой. Вот.

– Продолжай, – теперь все мое внимание принадлежит Эмми, я терпелив как удав, но внутренне уже начинаю нервничать

– Там страничка с рецептом, как исполнить заветное желание была. И ангелочек еще. Я

выполнила, все что написано. Она и пришла. Бумажку дала подписать.

– И что было в бумажке? – поникшая голова девчонки оказалась лучше любого ответа: не читала. – А желание, хоть, какое загадала?

– Чтобы папа меня больше никогда не трогал и маму тоже! – Эмми почти плачет, и Филл обнимает сестру за плечи. Чёрт, да такой заботе можно только позавидовать. Но в сторону лирику.

Действительно, куда же проще-то? Мертвых уже точно не потрогаешь. Мысленно посыпаю всех отборной бранью: и малолетнюю дуру, и брата горе-защитника, и призванную демоницу, ну и себя заодно.

– И какая она была? Эта женщина, что пообещала выполнить твоё желание? – натянуто, но всё ещё мягко продолжаю свой допрос.

– Красивая очень, с крылышками. Высокая такая, с огненными волосами. Двигалась красиво и обещала помочь.

Помогла так помогла, лучше не придумаешь. Во мне начинает просыпаться желание поймать демоницу и на настоящую цепь посадить. Ладно, Терренс – урод. Но это даже по адским меркам слишком.

– Понятно. А где сейчас эта книжка? – от подростков мало проку, когда не знаешь, что конкретно тебя интересует.

– В её комнате, под подушкой, – отвечает за уже вовсю рыдающую сестру малец.

– Всё с вами понятно... – подвожу я итог нашей беседе и встаю из-за стола. – А теперь доедаем завтрак, собираем вещи и топаем на выход.

– Ку-куда? – Фил тут же вскакивает вслед за мной, в его глазах паника. – Ты же обещал!

– Если обещал, значит, сделаю! – настойчивым рыком сажаю мальчишку на место. – Я вам не какая-нибудь бабенка из книжки! К тётке своей поедете, во Флоридию. Я обо всём договорился. Денег дам. Но языком не трепать! В дороге никуда не лезть. Учиться, как следует, работать тоже. Мечты сами собой явью не станут. Понятно? Тебя теперь зовут Томми Хиллфер, а её Элизабет Хиллфер соответственно.

– С-спасибо, – парень мнетя, заикается, но глаза его не врут, искренне благодарен, засранец.

– Должен будешь, – бурчу ему в ответ и иду заводить тачку.

Я, конечно, не поклонник добрых дел, но и не конченная сволочь, в отличие от некоторых. Самое обидное, теперь придется возвращаться в тот злополучный дом. Ох, тварь рогатая, берегись. Доберусь до тебя.

Она. Задание 13. Кусочки воспоминаний

– Снова ты? – усмехается бармен, доставая из-под стойки стакан и наливая в него очередную версию огненной воды.

– Конечно, а ты кого ждал? – только и могу, что хмыкнуть в ответ. А что еще остается? – Получаю удовольствие от жизни, хех.

– В каком смысле, Лена?

– Давно ты в евреи заделался, Вэл?

– Сама не лучше, рыжая.

Наша содержательная беседа прерывается стуком стаканов о дерево. Я беру и делаю большой глоток. Пламенный вал несется вниз и взрывается ядерным фугасом где-то внутри.

– Ай, хороша. Что ты на этот раз мне налил?

– А тебе ли не все равно? С твоим-то истинным обликом?

– Ну ты гад, Вэл! – я салютую ему стаканом и делаю новый глоток, наслаждаясь смесью странных ощущений. Прекрасный коктейль. – Снова развлекаешься?

– Естественно. А чем мне еще заниматься на этом месте? Только и остается, что развлекаться.

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/4e0>